

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ В ТЕКСТАХ

FUNCTIONING OF LEXICO-GRAMMATIC HOMONYMY IN TEXTS

А. И. Головня

A. I. Golovnya

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

Belarusian State University
Minsk, Belarus

e-mail: anastasiagolovnya64@gmail.com

В статье делается попытка описать функционирование лексико-грамматической омонимии на примере шести художественных текстов (из которых взято по несколько страниц и выявлены путем сплошной выборки лексико-грамматические омонимы). Оказалось, что чаще всего в русских художественных текстах встречается омонимия именительного и винительного падежей, родительного и винительного падежей, дательного и предложного падежей внутри одной парадигмы существительных; на втором месте находится омонимия прилагательных, которые только в женском роде могут быть омонимичны в родительном, дательном, творительном и предложном падежах. Омонимия на уровне глаголов не встретилась, а между частями речи зафиксирована в единичных случаях.

Ключевые слова: омоузел; омонимия; грамматические омонимы.

The article deals with the functioning of lexico-grammatical homonymy on the example of six fiction texts (from which several pages are taken and lexico-grammatical homonyms are revealed by continuous selection). It has turned out that in Russian fiction texts there are the most often the homonymies of the Nominative and Accusative Cases, the Genitive and Accusative Cases, the Dative and the Prepositional Cases within one paradigm of nouns; the second place is occupied by the homonymy of adjectives, which only in the feminine form can be homonymous in the Genitive, Dative, Instrumental and Prepositional Cases. There is no homonymy at the level of verbs in these texts, and between the parts of speech is fixed in isolated cases.

Keywords: homonode; homonymy; grammatical homonyms.

Омонимия не является помехой при общении людей и при чтении текстов. Проблема снятия омонимии возникает только при обработке естественно-языковых текстов в компьютере.

Единого подхода к классификации омонимов, как и единого понимания сути явления омонимии, в языкознании не существует. Разнобой

наблюдается как в терминологии (одни и те же группы омонимов называются по-разному: лексико-морфологические и лексико-грамматические омонимы; омоформы и частичные омонимы и т.п.), так и в принципах выделения классов омонимии. Даже в классификации А.И. Смирницкого [9] (считающейся лучшей среди традиционных) отмечены недостатки, не позволяющие использовать ее для омонимии конкретных языков (не учитываются различия между фонематическими и фонетическими омонимами, между «конверсионной» и другими видами «сложной частичной лексико-грамматической» омонимии).

Возросший интерес к проблеме омонимии привел к появлению множества новых классификаций. Все они, в основном, являются дополнениями и модификациями классификации А.И. Смирницкого, выделяющего три основных, конституирующих признака омонимов:

- 1) общность звучания (или общность формы);
- 2) различие значения (или общности содержания);
- 3) отнесение омонимов к словам или словоформам [9].

Классификации, построенные по этим признакам, считаются наиболее существенными и важными. Согласно первому признаку, все омонимы делятся на фонематические и фонетические. У фонематических омонимов состав фонем одного слова полностью совпадает с фонемным составом другого слова: *лук – лук; коса – коса* и т.п.

Фонетические омонимы (омофоны) представляют полное тождество друг с другом по звучанию при различии фонемного состава:

лиса – леса, труд – трут, луг – лук, рос – роз и др.

По признаку различия в значении все омонимы делятся на три неравные группы: лексические омонимы – *горн* (музыкальный инструмент) и *горн* (в кузнице); *жать* (жму) и *жать* (жну) и т.п.; грамматические – *березы* – родительный падеж единственного числа и именительный и винительный падежи множественного числа; *нас* – родительный, винительный и предложный падежи; лексико-грамматические, которые делятся на простые, т.е. относящиеся к одной и той же части речи (*граф* – родительный падеж множественного числа от *графа* и *граф* – именительный падеж единственного числа), и сложные лексико-грамматические омонимы, т.е. относящиеся к разным частям речи (*дам* – глагол 1-го лица единственного числа будущего времени и *дам* – родительный падеж множественного числа от *дама*). В зависимости от того, совпадают ли по звучанию отдельные формы разных слов или слова в совокупности всех своих форм, различают омонимы полные и частичные.

Существующие представления о типах омонимов наиболее полно отражены в классификации А.Я. Шайкевича [11]. Предлагаются и более

многомерные классификации, основанные на большем количестве признаков. Так, например, типологическая классификация А.В. Малаховского основана на 4-х гетерогенных признаках. Если суммировать известные классификации омонимии, то все они основаны на корреляции между формой (звуковой и графической) и содержанием лингвистического знака и представляют собой объединение и сопоставление разноплановых признаков. Но омонимия – прежде всего семантическое явление языка. Принадлежность к ней определяется разными значениями на одном из уровней, что требует, прежде всего, семантической классификации омонимов. До сих пор на различных этапах развития омонимической теории изучались сначала лексические, потом грамматические, а в последующее время и словообразовательные омонимы.

Интерес представляет, прежде всего, выяснение степени отмеченности омонимии в тексте и принципы подачи омонимов в словарях разного типа. Эти вещи находятся в прямой связи.

Присутствие в каком-либо типе текстов омонимов, по мнению ряда исследователей, является помехой, затрудняющей восприятие информации. Л.В. Малаховский, обобщая работы по омонимии, предпринимает попытку трактовать омонимию более широко как фактор, приводящий к ухудшению кодовых свойств языка, и посвящает этому два параграфа своей монографии [5, с. 24-27].

Близкой к его мнению, но уже в связи концептов «омонимия: синонимия» на уровне модели «СМЫСЛ – ТЕКСТ», является трактовка омонимии в работе И.А. Мельчука: «В общем случае одному смыслу отвечает много несущих этот смысл текстов (синонимия), а одному тексту – много смыслов (омонимия)» [6, с. 31].

Эти положения достаточно полемичны. Во-первых, любой естественный язык за десятки тысяч лет своего существования и использования при появлении в нем чего-то мешающего мог бы избавиться от этой потенциальной помехи естественным путем – отсевом, отбором и т.п. Сравнение только глагольной системы современного русского языка со старославянским демонстрирует исчезновение супина, перфекта, плюсквамперфекта, изменение аориста и т.п. Омонимия же не только не исчезла, она увеличивается в количественных и качественных вариантах.

Второй момент. Для пишущего и говорящего, для читающего и слушающего степень омонимичности текста – различна, но разного рода контексты и внутренние средства языка-системы (ударение, к примеру), а также разнесенность омонимов по разным предметным областям (ср.: *хлопок* и *хлопок* и т.п. – экстралингвистический фактор), снимают остроту проблемы [3].

На наш взгляд, омонимия становится помехой коммуникации лишь при создании систем автоматического анализа текстов, реферирования, создания систем машинного перевода и других интеллектуальных систем. Но это уже совсем другой уровень коммуникации, он не закладывался как функция системы языка с момента его появления как информационно-регулирующей системы [3].

С другой стороны, омонимия создает определенные сложности того же типа, но при преподавании языка людям, владеющим качественно иной языковой системой. Так, пары языков «русский : польский», «русский : английский» и «русский : китайский» различны по степени близости систем, а значит, и омосистем.

И, конечно же, первым вопросом при анализе омонимии должно быть выяснение количественной насыщенности текста разными видами омонимов. Для определения того, насколько часто в художественном тексте отмечаются омонимические формы и лексические омонимы, был проведен эксперимент. В ходе его нами обработаны 10 страниц текста М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [2]. Оказалось, что на 10-и страницах текста из общего количества в 2898 словоупотреблений (словоупотреблением считалась цепочка символов между двумя пробелами) отмечено 500 омонимичных словоформ, что составляет приблизительно 18% всего отрывка.

При анализе выяснилось, что, как и ожидалось, наибольшая грамматическая омонимия отмечается у существительных (по Обратному словарю (ОС) их 56332), затем у прилагательных (по ОС их 24786) благодаря их объемам в словаре и тексте и развитым парадигмам. Глаголы (по ОС их 37319) внутри парадигмы омонимичны не настолько и не проявили межклассовых омонимичных свойств в анализируемом отрывке. Чаще в тексте встречается омонимия именительного и винительного падежей (180 случаев). Это закономерное явление: по данным словаря Э.А. Штейнфельдт именительный (33,6%) и винительный (19,5%) в сумме занимают почти 53 процента всех употреблений существительных [12, с. 52]. В тексте эта омонимия снимается, в основном, предложениями (так как именительный падеж не употребляется с предлогами), глагольным управлением и согласованием прилагательного с существительным, например: *...вернулся на балкон* – омонимия снимается управлением и предложением *на; собирал совещание, утверждает приговор* – здесь омонимия снимается только управлением и *объяснение было странное* (глагол «быть» практически не сочетается с существительными в винительном падеже, за исключением существительных со значением времени или эллиптических конструкций – *Ватрушку будешь?* (есть)).

На втором месте находится омонимия родительного и винительного падежей, чаще всего она связана с одушевлённостью. Отмечено 65 случаев, что также укладывается в данные Э.А. Штейнфельдт (родительный 24,6%) и винительный (19,5%) в сумме дают свыше 44% всех употреблений. Снимается эта омонимия: а) предложениями, которые управляют или родительным, или винительным падежами; б) глагольным управлением и в) отрицанием (родительный падеж чаще употребляется с отрицанием, чем винительный).

Следующий тип – это омонимия дательного и предложного падежей (дательный до 5%, предложный до 9%). Комбинаторика остальных падежей менее омонимична.

Второй по количественному составу является омонимия прилагательных (176 случаев). Только в женском роде наблюдается внутрипарадигматическая омонимия у прилагательных в родительном, дательном творительном и предложном падежах, а у прилагательных мужского и среднего рода наблюдается та же картина только уже между парадигмами разных родов. Но здесь омонимия снимается согласованием прилагательного с существительным определенного рода в определённом падеже и числе.

Омонимия местоимений и несклоняемых местоименных прилагательных оказалась редкой (18 случаев) и снимается контекстом предложения.

Остальные омонимичные пересечения классов (частей речи), грамматических позиций и семантик на данном объеме отмечаются в единичных случаях.

Таблица 1

Потенции омонимии на пересечении всего двух парадигм слов пол и поля

	1	2	3	4	5	6	7
	М.р.	Ж.р.	Ср.р.	Глагол	Имена собственные		
И. е.	пол	Поля	поле		Поль	Поля	Пол
Р. е.	поля	Полю	полю	поли	Полю	Полю	Полю
Д. е.	полу	Полю	полю	полю	Полю	Полю	Полю
В. е.	Пол	Полю	поле		Полю	Полю	Полю
Т. е.	полом	Полю	полю	полю	Полю	Полю	Полю
П. е.	Полю/у	Полю	поле		Полю	Полю	Полю
И. мн.	полю	Полю	полю				
Р. мн.	полю	Полю	полю	полю			
Д. мн.	полю	Полю	полю				
В. мн.	полю	Полю	полю				
Т. мн.	полю	Полю	полю				
П. мн.	полю	Полю	полю				

Поскольку внутрипарадигматическая и межпарадигматическая внутриклассовая омонимия в количественном отношении проявила себя наиболее продуктивно (283 примера из 545 существительных), вкратце покажем потенции омонимии на пересечении всего двух парадигм слов *пол* и *пола* (см. таблицу 1).

Ввод третьей парадигмы (слова *поле*), с которой пересекаются элементы первых двух, выводит нас далее на парадигмы глаголов *полоть* и *полить* и на имена собственные – *Поль*, *Поля* и *Пол*, и мы видим, как «уплотняется» и расширяется круг омонимичных форм. Неомонимичными остаются *полом*, *полов*, *полой*, но форма существительного *полов* уже создает омонимичную пару с деепричастием от глагола *полоть*, а форма *полом* совпадает с редким, но отмеченным в Обратном словаре словом *полом* от глагола *поломать*. При учете имен собственных *полом* начинает совпадать с *Полом*, а сравнение с прилагательными дает омопару *полой* от *пола* и *полой* от *полей*.

Наличие в русском языке хорошо развитых парадигм у существительных, прилагательных, местоимений и глаголов делает проблему межпарадигматической омонимии предельно важной, так как мы убедились на примерах, что существуют своеобразные «узлы», связывающие парадигмы как одного, так и разных классов. Естественно, что в языках с меньшей развитостью грамматической аффиксации такой тип омонимов будет встречаться реже, уступая первенство лексической омонимии.

Это должно настраивать исследователя омонимии русского языка на достаточно надежный текстовый материал. С этой целью мы расширили объем эксперимента и взяли уже тексты пяти разных авторов, таких как: Бабель И.Э. «Избранное» [1], Каштанов Арнольд «Эпидемия счастья» [4]; Нагибин Юрий «Берендеев лес» [7]; Прилежаева М.П. «Удивительный год» [8]; Тэффи Н.А. «Юмористические рассказы» [10] (по 16 полным произвольно взятым страниц). Этим мы устранили возможность случайности тенденции, описанной выше на тексте М. Булгакова [2]. Сплошная выборка на общем объеме около 23 тысяч словоупотреблений выявила 7303 омонимичных формы. Подтвердилась общая количественная тенденция: при увеличении объема выборки в 10 раз число отмеченных омонимичных слов возросло почти в 15 раз.

Качественные распределения (части речи и совпадающие грамматические позиции) также сходны с вышеописанными. Чаще всего отмечена омонимия форм прилагательных (родительный, дательный, творительный, предложный – у прилагательных женского рода, а также омонимия родительного, дательного, творительного и предложного падежей между прилагательными мужского и среднего рода) и у существи-

тельных (именительный: винительный и родительный: винительный). Эти совпадения отмечены в количествах, превышающих 100 примеров. Остальные совпадения отмечаются уже реже, доходя до единичных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бабель, И.Э. Избранное / Бабель И.Э. – Минск: Мастацкая літаратура, 1986. – С. 41, 45, 53, 69, 74, 81, 92, 96, 104, 126, 144, 186, 217, 223, 250, 260.
2. Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. – С. 316, 334, 342, 350, 374, 407, 538, 547, 562, 600.
3. Головня, А.И. Проблема омонимии на входе и выходе ЭВМ / А.И. Головня // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Тарту, 1990. – С. 154.
4. Каштанов, А. Эпидемия счастья / А. Каштанов. – Минск: Мастацкая літаратура, 1986. – С. 21, 81, 132, 140, 150, 151, 156, 157, 159, 169, 193, 194, 197, 207, 209, 218.
5. Малаховский, Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / Л.В. Малаховский. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 238 с.
6. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей СМЫСЛ – ТЕКСТ. – М.: Наука. 1974. – 316 с.
7. Нагибин, Ю. Берендеев лес / Ю. Нагибин. – М.: Советский писатель, 1978. – С. 21, 40, 60, 61, 65, 66, 67, 74, 96, 110, 151, 152, 182, 245, 248, 249.
8. Прилежаева, М.П. Удивительный год. – Киев: Радянська школа, 1987. – С. 9, 29, 39, 45, 79, 95, 103, 121, 126, 146, 175, 187, 206, 214, 221, 253.
9. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. – 260 с.
10. Тэффи, Н.А. Юмористические рассказы. – М. Худ. литература, 1990. – С. 58, 118, 143, 159, 175, 210, 243, 249, 262, 267, 284, 308, 318, 336, 337, 340.
11. Шайкевич, А.Я. О принципах классификации омонимов / А.Я. Шайкевич // В кн.: Процессы развития в языке. – М.: ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1959. – С. 25-143.
12. Штейнфельдт, Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка / Э.А. Штейнфельдт. – Таллин: Типография «Юхисэлу», 1963. – 316 с.